

Кто бы мог подумать! Вень Минцзян смотрелся как суровый северный мужик, способный перепить кого угодно, а на деле свалился с одной-единственной бутылки пива. Вот уж действительно — внешность обманчива.

— Вы даже не представляете... Мой отец ведь такой несчастный человек, правда, до ужаса несчастный, — пролепетал Вень Минцзян. Он икнул, и взгляд его окончательно поплыл.

Бедняга, совсем опьянел.

— Режиссер, режиссер, вы пьяны, — тревожно отозвался Мэй Цзыхань и тут же крикнул хозяину заведения, чтобы тот принес кувшин ледяного отвара из сушеных слив, дабы протрезвить захмелевшего спутника.

Однако Вень Минцзян уже с трудом соображал. Заметив, как Мэй Цзыхань пытается его утихомирить, он и вовсе потерял контроль над языком.

— Вы вообще знаете, что он был студентом университета? В нашем детстве студенты были на вес золота! А он всю жизнь просидел возле меня и моих братьев, даже уехать никуда не смел. Всё из-за того, что у соседей ребёнка украли... Но... но ведь ни я, ни два моих брата... мы же ему даже не родные...

Вот это поворот! Сумасшедшие подробности.

Трое детей, и ни один не родной?

Мэй Цзыхань про себя невольно подивился этой исповеди, но почти сразу опомнился: сценарий, в котором ему предстояло играть, кажется, как раз и был основан на реальных событиях из жизни режиссера. Раз речь шла об отчине, то само собой разумеется, что дети не были ему кровными.

Впрочем, это сугубо семейное дело, а он — всего лишь рядовой актер. Лучше не лезть в чужие тайны и знать поменьше. Как гласит классический штамп из телесериалов: те, кто знает слишком много, добром не кончают!

Выложив подлинную подноготную своей семьи, Вень Минцзян уткнулся лицом в стол и громко, навзрыд разрыдался, совершенно забыв о том, что привлекательному парню вроде него не мешало бы держать лицо.

Ибо, как показывают наблюдения, за исключением Цзян Ина, любые красавчики, когда плачут, выглядят довольно неприглядно.

Мэй Цзыхань на мгновение отвлекся на эти посторонние мысли.

— Он обещал моей маме, что вырастит нас и поставит на ноги, — между тем продолжал Вень Минцзян. — Мама в молодости была первой красавицей. Но какой бы красавицей ты ни была, у тебя на руках трое мальчишек, а муж умер... Выжить в одиночку было почти невозможно. В общем, потом она вышла замуж за одного мерзавца...

Вень Минцзян со всей силы стукнул кулаком по столу:

— За конченого ублюдка! Он поднимал на нее руку, а потом еще и спустил все деньги на азартные игры. Мама тогда была беременна моей младшей сестрой, и он избил ее так, что у нее случился выкидыш. А мой отец... он тогда как раз окончил университет и приехал в родную

деревню навестить родных. Там он и встретил маму. Пожалел ее, помог оформить развод. Но в деревне тут же поползли грязные слухи...

Все прежние эгоистичные мысли Мэй Цыханя мгновенно испарились. Ему стало ужасно не по себе. До него дошло, что он только что услышал глубоко личную и весьма неприятную тайну режиссера.

Мэй Цыхань посмотрел на Цзян Ина и заметил, что тот тоже перестал есть и пить.

Пусть режиссер и пьян, но проявить базовое уважение к человеку они были обязаны.

— И всё-таки они стали жить вместе, — всхлипнул Вень Минцзян. — У отца никого из близких не осталось, он приехал в родные края, думал провести родных, а вышло так, что проведаль их могилы. Ему было жаль маму, он полюбить её успел, да и нас тоже. Когда мама умирала, она держала моего старшего брата за руку, а я сидел рядом... Она умоляла нас, чтобы мы заботились об отце и искренне его чтили. И отец действительно ради нас больше так и не женился. Помню, раньше он заставлял меня учиться, а я не слушался, огрызался, кричал ему: «Ты мне даже не отец, какое право ты имеешь мной командовать?!» Боже, как же я жалею об этом... Если бы вы знали, как жалею...

Мэй Цыхань не находил подходящих слов для утешения.

«Дети хотят позаботиться о родителях, да тех уже нет в живых» — эта вечная трагедия черной тенью висит над отношениями между поколениями. В юности, по глупости и незрелости, мы легко бросаем родным самые злые и жестокие слова, совершенно не задумываясь о том, какую глубокую рану раним их сердца. А когда взрослеем и понимаем, насколько были правы они и как ошибались мы, просить прощения оказывается уже поздно.

Да и не нужны были Вень Минцзяну никакие утешения. Ему просто требовалось выговориться, сбросить с души этот камень.

— К тому моменту, как я поступил в университет, у отца нашли рак желудка, — глухо произнес режиссер. — Чтобы прокормить нас, он сам вечно недоедал. Трое растущих парней — представляете, сколько мы сжирали? Но я за все годы ни разу не голодал! Братья, конечно, были толковее меня, зарабатывали, но сколько бы денег у нас ни было, спасти его мы уже не смогли. На празднование Цинмина старший брат сказал мне: «Братишка, сними для нашего отца сериал. Он ведь раньше каждый день смотрел твои работы, когда ты работал сценаристом».

Вень Минцзян внезапно резко поднялся из-за стола и, пошатываясь и едва держась на ногах, рванул прямо к Мэй Цыханю.

— Наставник сказал, что такое кино никто смотреть не станет. Что сценарий надо менять, переписать вдоль и поперек. И я всё понимаю, правда! Я готов терпеть любую дешевую драму и слезодавилку, лишь бы фильм вышел на экраны! Лишь бы ключевые персонажи остались прежними — на всё остальное мне плевать. Я буду пахать, буду из кожи вон лезть, но сниму его!

Лишь бы дали снять, лишь бы пустили в эфир — ради этого он был готов пожертвовать чем угодно.

Раньше, работая вместе с учителем, он написал немало подобных шаблонных драмочек и даже давал себе зарок, что его собственный дебютный фильм никогда не будет таким шлаком. Но

сейчас, перед лицом этой работы, он был готов полностью растоптать свои принципы.

Лишь бы этот сериал сняли. Лишь бы его увидели зрители.

Мэй Цзыхань сыграл не одну сотню сцен со «смертью родителей, жен и детей», но всё это было понарошку, фальшивкой, картонными эмоциями. Но когда подобное происходит на самом деле, с живым человеком, эта история приобретает по-настоящему жуткую и трагическую глубину.

— Раньше я играл из рук вон плохо, я... — Мэй Цзыхань хотел выразить поддержку, пообещать, что выложится на все сто, но слова застряли в горле.

Если бы Вень Минцзян ничего этого не рассказывал, Мэй Цзыхань мог бы спокойно согласиться на роль и работать в своем привычном темпе.

Но Вень Минцзян выложил всё как на духу.

И теперь Мэй Цзыхань просто не имел права относиться к этой работе спустя рукава.

Вень Минцзян — начинающий режиссер, груз ответственности на его плечах был слишком велик, потому-то он и разболтался во хмелю. По-хорошему, такие вещи вообще не следовало говорить вслух. Стоит сболтнуть лишнего, и люди сочтут тебя непрофессионалом, жалующимся на жизнь, а то и вовсе заподозрят в попытке спекулировать на имени покойного отца.

Но эти чувства слишком долго копились у него внутри.

Деньги на съёмки дали братья, сценарий переписал учитель, а актеры согласились сниматься по знакомству, из дружеской солидарности. Он чувствовал себя жалким попрошайкой, который собирает с миру по нитке, чтобы построить свой собственный дом, но даже не знает, удастся ли довести стройку до конца.

Ему нельзя было пустить на ветер деньги братьев, нельзя было предать доброту наставника, нельзя было похоронить собственную мечту и уж тем более нельзя было допустить, чтобы душа отца на небесах испытывала горечь разочарования.

Будучи актером, Мэй Цзыхань отчетливо понимал, что Вень Минцзян говорил от самого сердца.

И хотя до этого они толком не общались, после всех этих пропитанных алкоголем откровений Мэй Цзыханю самому безумно захотелось плакать. До судорог, до боли в груди.

А виновник этой драмы, выложив всю подноготную, просто-напросто захрапел на весь зал.

— Цзян Ин, я помню, ты говорил, что в подобных сценариях нужно играть с искренним чувством, чтобы зритель ощутил ту же боль, да? — внезапно спросил Мэй Цзыхань.

— Как минимум, история должна сначала тронуть самого актера, — ответил Цзян Ин. — Если ты сам считаешь сценарий фальшивкой и не можешь убедить себя в правдивости происходящего, то и зрители никогда не поверят твоей игре.

Если однажды ты сможешь сыграть сцену так, что зритель спустя годы — или даже спустя десятилетия — вспомнит ее и почувствует, как у него перехватывает дыхание от подступающих слез, только тогда тебя можно будет назвать настоящим мастером.

Возможно, это звучало чересчур прагматично и даже хладнокровно. Но Цзян Ин был искренне

убежден, что это, пожалуй, лучший сценарий из всех, что попадались Мэй Цзыханю с начала карьеры, а может, и лучший из тех, что встретятся ему в ближайшие несколько лет.

На утро, проснувшись, Вень Минцзян абсолютно ничего не помнил.

Что ж, оно и к лучшему.

Иначе Мэй Цзыхань ума не приложил бы, как вести себя с режиссером. В конце концов, случайно узнать чужие глубокие тайны — ужасно неловкое положение: и утешать вроде неуместно, и делать вид, будто ничего не было, тоже странно.

Вскоре актеры были набраны, и съемочная группа провела скромную, без лишнего пафоса и помпы, церемонию начала съемок.

Другие съемочные группы на молебне богам забивают целого жареного поросенка, а команда сериала про отчима смогла позволить себе лишь одну-единственную запеченную курицу. Днем эту несчастную птицу буквально «казнили», разобрал по косточкам и разложив по порционным обеденным контейнерам для съемочной группы.

Мэй Цзыханю по счастливой случайности досталось куриное крылышко.

Что ж, хорошая примета, к удаче!

Сценарист Чжан вместе с Вень Минцзяном уже подготовили текст первых пяти серий. Мэй Цзыхань унес сценарий домой и целыми днями зубрил диалоги, а в свободные минуты донимал Цзян Ина с просьбами помочь прогнать сцены по ролям. Жизнь его превратилась в суровое и изнурительное испытание.

Но когда настал день официального старта съемок, его ждал сюрприз — среди актерского состава обнаружилось еще одно знакомое лицо.

Это была Чжан Юйжу, или, как ее ласково звали, сестрица Юй.

Если говорить о нишевых семейных драмах про свекровей и невест, то единственной, кто мог помериться популярностью с Ван Сяомань за звание главной героини, была именно Чжан Юйжу.

Ван Сяомань обычно доставались роли «вдохновляющих и сильных духом женщин», а Чжан Юйжу специализировалась на «страдающих и несчастных женских судьбах». Эти две актрисы то и дело снимались вместе, то в роли главных героинь, то на вторых ролях. На их счету даже числился невероятный рекорд: за один год они снялись в восьми сериалах, и в семи из них работали на одной площадке!

Разумеется, Мэй Цзыхань, будучи постоянным актером в этом же жанре, прекрасно знал Чжан Юйжу.